

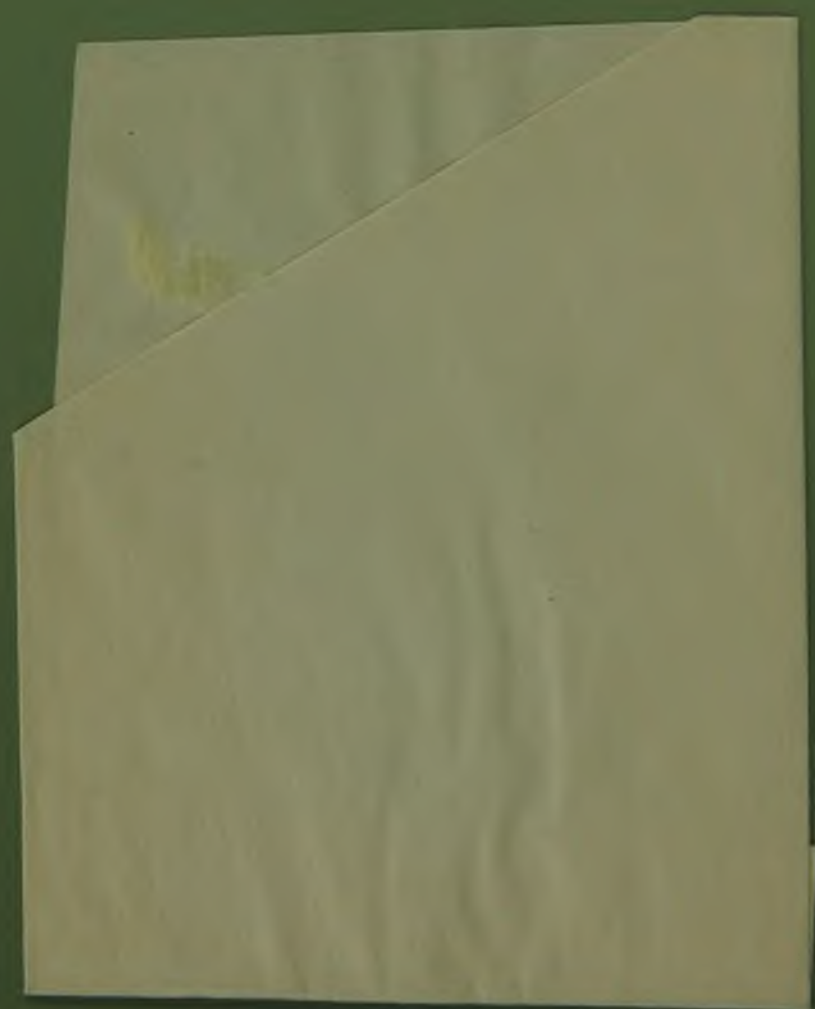
84(20)сс-Хэл)
X M12

С СИБИРСКАЯ
ТРОФКА

Владимир Мазин

ПРИСТАНЬ РАДОСТЕЙ И ПЕЧАЛЕЙ







Владимир Мазин

ПРИСТАНЬ РАДОСТЕЙ И ПЕЧАЛЕЙ



СТИХИ



СУРГУТ

Информационно-издательский
концерн «Северный дом»
1997

- 52313 -

Муниципальная библиотека
окружной библиотеки КО

К ББК 84 (2Рос=Хаз)
М 12

❖ *СЕРИЯ «СИБИРСКАЯ СТРОФА»*

Автор и редакционный совет издательства
выражают благодарность за финансовую
поддержку фирме "СЛАВТЭК"
и лично президенту фирмы
Александру Анатольевичу ПЕТЕРМАНУ.

Мазин В.А.

М12 «ПРИСТАНЬ РАДОСТЕЙ И ПЕЧАЛЕЙ».

Сборник стихов. — Сургут: Информационно-
издательский концерн «Северный дом». — 1997 г.
— 112 стр.

Основу книги Владимира Мазина составляют страницы, посвященные Нижневартовску, Ларьяку — месту рождения поэта, его хантыйским предкам по линии отца. В результате творческой работы над рукописью автору удалось дополнить ее многими новыми стихотворениями, отразившими происхождение автора, связавшего в себе самобытность хантыйской и русской культур.

Многие из стихотворений, включенные в сборник, были опубликованы в нижневартовских газетах и журнале «Югра».

М $\frac{4700000000 - 45}{Г 55(03)-97}$ — 68 — 97

ISBN 5-8260-0277-8

© В.Мазин, стихи. 1997 г.

© ИИК "Северный дом". 1997 г.



ЛАРЬЯКСКИЙ ДОМ

Теперь уже с трудом
Мы вспоминаем заново
Старинной рубки дом
На улице Стаханова.

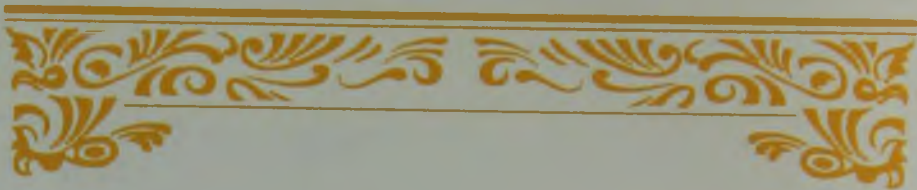
Он тридцать зим стоял
Напротив типографии,
Как памятник сиял
Со старой литографии.

Все новости узнать
Мы торопились первыми.
Дом разучился спать,
Поэтому, наверное,

Состарился не в срок.
И мы уже не молоды.
Ступаем на порог,
Где нас встречают холодно.

1980.





* * *

Ценю тебя, сибирская река,
За вечное, красивое занятие —
Тепло бурлить и плыть издалека
В ледовые холодные объятья.

Легко играешь падшею листвою,
Привет осенний унося к зимовью...
Родством души, родимая, я твой,
Но с берегом соединен любовью.

1977.



* * *

Каждый раз с наступлением ночи
Дремлет старых часов циферблат,
И с моим дорогим одиночеством
У меня идеальнейший лад.
О, медлительность слов на бумаге,
О, запутанность мысленных грез...
Написать, как предаться отваге,
Зелье пить из улыбок и слез!..

1993.



* * *

В балке накурено и душно,
А в двери лезет ветерок.
Закинув руки под подушку,
Ты молча смотришь в потолок.
Приемник хриплым многословьем
Про счастье душу берedit...
Неразделенная любовью,
Бездомьем юность догорит.
Возьми из пачки «Беломора»
Успокоения чуток.
Обидно, ты построил город,
А сам имеешь закуток.
Скучает детская игрушка
По лучшей, по другой судьбе,
И долго стонет раскладушка,
Мешая выспаться тебе.

1980.



* * *

Для меня забота леса
И награда, и удел...
Из пеленок звездных месяц
Улыбался и глазел,
Мне хотелось быть отважным
В первой песне и в любви.
Но упал я там, где важно
Речка Вах течет к Оби.
Поскользнулся там, где глина
Не просохла от дождей...
Пожалел кедровник сына –
Жди поддержки от людей.

1979.



Тарабанит природа
по стеклам,
Отворю в ночь ненастья окно.
Может, древняя вольность
промокла,
По душе нашей плача давно?
Я гляжу в темноту непогоды
И дышу сквозняком старины,
Где навеки родные народы,
Словно мать и отец, влюблены
И хранят непохожесть обличья,
Древность подлинной доброты.
Та любовь мне крылами
по-птичьи
Машет ласково с высоты.

1995.





МЕЛОДИЯ

Тихо дерево поет,
Годы чьи-то вспоминая...
По реке шуга плывет,
Снег дороги засыпает.
Понимает, как слова,
Звуки древние старуха,
Молча слушает вдова
Нежный голос наркасыюха*.
Неизвестно, сколько лет
Пролетело птичьей стаей...
Лишь старинный инструмент
Песни их не забывает.

1978.

* Наркасыюх - старинный хантыйский народный инструмент (хантыйские гусли).



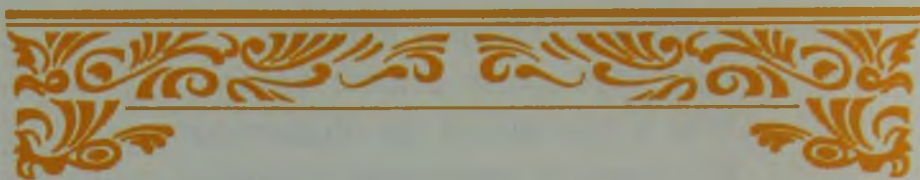
ПОДЛУННОЕ РАЗДОЛЬЕ

Люблю зарю, мой малый челн
(У нас зовется обласочком)
Пускаю среди желтых волн
И в песню собираю строчки.
Мы по течению втроем:
Певец, судьба и вдохновенье
По Ваху наугад плывем,
Вернее, по велению пеня.
Пусть будет петься нам о том
Прекрасном мире единенья...
Хладеет влага за бортом,
А нам тепло порой осенней.
К нам листья падают на дно
С ветвистой раскаленной кручи.
Расшторено небес окно,
Луна выходит из-за тучи.
Заря вечерняя течет
Старинной немудреной сагой.
Луна всю ночь горит свечой
И примерения, и блага.

Поется слаженно втроем,
Под утро рано ставит точку,
Мы в три весла на обласочке
К родимой пристани плывем.

1970, 1996.





* * *

Плачут, плачут вечера
В середине лета,
Уплывают катера
В ранние рассветы.

Вышли жены провожать
На песчаный берег,
Обещают верно ждать,
И мужчины верят.

Дождь и слезы. Да заря —
Не понять какая:
То ль закатная пора,
То ль рассвет играет.

1970.



* * *

Под ветром у косматых елей
Первоянварский снег хрустел.
Родился я под шум метелей
Рыбацкий разделить удел,
А рыбаки в семье отцовской
В старинном промысле ловки,
Тянули невода веревкой
И дружно жили у реки.
А мама-то с Урала родом,
Любила песни распевать,
Когда к холодным вахским водам
Белье ходила полоскать.
Со мной намучились порядком
Немало лет отец и мать,
Чтоб дать рыбацкую ухватку
И песней душу воспитать.

1981.

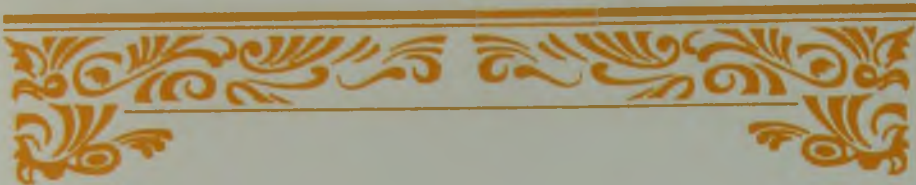




ХАНТЫЙСКАЯ КРАСАВИЦА

У тебя не пахнут руки
Чешуей и дымом,
Неужели лишь от скуки
Называешь милым?
У тебя лицо белее
Утреннего снега,
Ход лыжни твоей смелее
Нарточного бега.
А любовь твоя, наверно,
Как внезапный выстрел –
Если выбрала неверно,
То разлюбишь быстро.
У тебя глаза зарею
Яркою сияют.
И напрасно я рукою
Сердце прикрываю.

1967.



* * *

Дом –
 уют колыбельный
И мечты на реке
Помню я среди елей
В золотом куржаке.

На груди горизонта
Путь,
 как крик: «Помоги!..»
В доме бабкины с фронта
Впору мне сапоги.

Я плыву по широкой
Обновленной Оби...
Жди, родной синеокий
Дом пречистой любви!

1966.





* * *

Манит снова рыбака
Синяя путина,
Не страшит меня река –
Бурная стремнина.

Понесет мой обласок
Быстрое течение
На слияние протоков
В водное кружение.

Эх, весло, не подведи,
Не скользи в ладони.
Будет отдых впереди,
Где-нибудь в затоне.

1975, 1980.





МАМЕ

Не красоту ты нежила
Купальщицей в реке,
С детьми на рыбе выжила
В военной той беде.

Бросала моя матушка
Сеть-невод в кровь-зарю,
Голодные ребятушки
Сидели на яру.
Все повторила кроме бы
Слезы —

в кормилец-Вах...

Держала экономику
На худеньких плечах.

1977.



НАСЛЕДСТВО

Понимаю, – это случай,
Но божественной ошибкой
Мир явился мне певучей
Колыбельною над зыбкой.
Засыпающий поселок
Песня мамы берегла,
И раскачивался полог –
Два заботливых крыла.
И холодный, небогатый
Под покровом лоскутным
Мир казался мне крылатым,
Музыкальным и родным.
Я еще не видел звезды
На высоких небесах,
Но родной певучий роздых
Прогонял вселенский страх.
И в послевоенном детстве
Я за матушкой вознес
Музыкальное наследство
Неслучайных русских слез.

1995.





СКРИПАЧ У БЕЛОЙ ГОРЫ

К Ваху белыми горбами
Повернулся материк.
Не шумят вокруг урманы:
Щиплет бережно старик
Удивительные струны
Над кедровою душой,
И в озерах внемлют луны
Этой горести большой.
Не рыдания, а всхлипы
Источает инструмент:
Стоны прожитого либо
Ожиданья перемен...
Из родной легенды вышел
Старый ханты, сед как сон,
Повествует еле слышно
О течении времен;
И забытой богатырской
Добротой ласкает слух —
Нежно-нежно, близко-близко



Стонет искренний нын-юх*.
И рукой взмахнувши гибкой,
Осмелевший музыкант
Из своей волшебной скрипки
Льет неистово талант.
И мелодия о счастье –
Тайном смысле бытия –
Держит нас в прекрасной власти,
То – судьбинушка моя.

1979.

* Нын-юх – хантыйский народный музыкальный инструмент.





* * *

Заря в обской воде устало брезжит,
Последний луч искрится на волнах,
Туман крадется вдоль по побережью,
И я лечу, как птица в облаках.
Вечерний ветер напрягает руки
И превращает в крылья рукава.
Я улетаю от обидной скуки,
Я нахожу сердечные слова
Об этом крае в кедровом просторе,
Где научился я ценить мечту,
Любить людей и в радости, и в горе,
Беречь тайги старинной красоту.

1972.





КУЛЬТПРОСВЕТИК

В день холодный, день метелистый
У печи сидеть бы мне,
У меня замерзли челюсти,
Дрожь проходит по спине.
Я иду дорогой выюжною
К дому в снежном парике,
Где работу очень нужную
Надо сделать налегке.
Прикрываю рот перчаткою,
Улыбаюсь невпопад,
Торможу проворно пяткою
И шагаю наугад.
Пусть пурга опять наметила
Позасыпать большаки,
Соберутся наши зрители –
Звероловы, рыбаки.
Разлетимся песней звонкой
Про озера и тайгу,
Про березку нашу тонкую
На ларьякском берегу.

У меня работа нужная,
Светлый жребий мил и люб,
Потому дорогой выюжною
Я шагаю в сельский клуб.

1970.



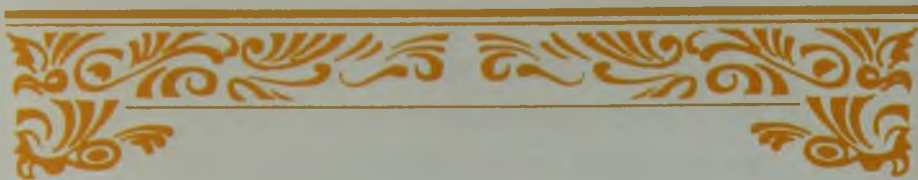


6 НОЯБРЯ 1995 ГОДА

Грустит холодный понедельник
Последним даром колдовства,
По хрупкой глади луж осенних
Опавшая скользит листва.
Полузабытые букеты,
Полураздетые леса
Еще напоминают лета
Потрепанные паруса.
И рвет безжалостно ветрило
Лохмотья красные судьбы,
Как разбесившийся кутила
Из постсоветской голытьбы.

1995.

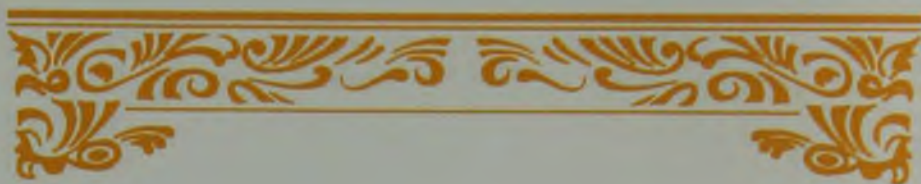




* * *

Вах бледнеет в дарах листопада,
Из тумана мелькает пейзаж,
И плывет по шуршащим преградам
Обласок протекающий наш.
За последним шальным поворотом,
Подбоченясь, встречает сосна,
Ты смеешься, прощаешь остроты...
А за стогом деревня видна.
Не доплыли, в суденышке мокнем,
Надо воду реке возвращать.
Рукава закатаем по локти,
И друг друга начнем выручать.

1979.



КОНЦЕРТ

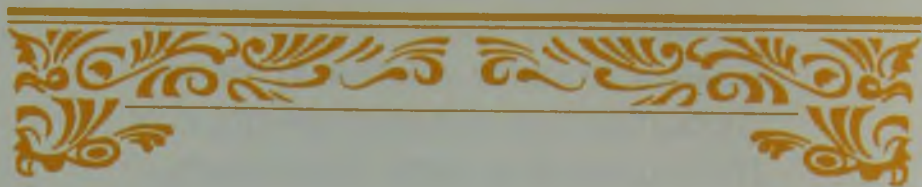
*Доброй памяти
Нины Петровны Лопаткиной.*

Был июль. Вечерело. Прохлада
От реки подползала к костру,
Разодетая агитбригада
Привыкала терпеть мошкару.
Не приказано, просто так надо:
В половодье не ради утех
Ждал районную агитбригаду
На рыбацких угодьях успех.
Голоса разливались волною
Выше берега, выше костра...
И рекой, и судьбою одною
Плыли мы по теченью добра.
Желтый месяц летал над зарею,
И землячка на фоне сетей
По-сибирски сердечной игрою
Представляла певучих друзей.

Аплодировал эхом повторно
Край в охапках цветов луговых.
Любо было в мажоре просторном
На подмостках петь береговых.

1983.





* * *

Хороши ларьякские дорожки,
По краям крапива, лебеда.
На ветвях березовых сережки
Тянутся к блестящим проводам.
До работы двести метров ходу.
Я иду по дальнему кольцу.
Влажная осенняя погода
Моему селению к лицу.
От метеостанции до школы
Кедры хвоей тихо шелестят.
Не стареет мой Ларьяк веселый,
Он всегда, как малое дитя...

1978.



ИЗБУШКА

Бурно ветры над крышею кружат,
Не жалеют ее седины.
Одиноко и холодно в стужу,
Окна – дряхлые щеки – бледны.
Дайте, люди, еще хоть немного
Старым бревнам тепло сохранить.
Вот дровишки лежат у порога,
Чтоб под вечер печь истопить.
В кружках брагу опять поднимите
За покинувших избы свои,
Стариков и старух помяните.
И пурга нынче плачет о них.

1991.





* * *

Утренние звонкие лучи
Вылетели птицами рассвета,
Разметали сотни рыжих крыл,
Будоража смолкнувшее лето
Богатырским пробуждением сил.
Вот уже торопятся сдаваться
Тени молчаливые лесов —
До заката будут раздаваться
Солнечные звуки голосов.

1977.



корни заплетенные

Даже днем выдумывают сны.

ПОД ВЕТВЯМИ ТЕМНЫМИ

Извлекаю из одной струны.

Лучиком

ПОД СУЧЬЯМИ

наиграюсь вволюшку,

Подберу хорошие слова

Про кедрач

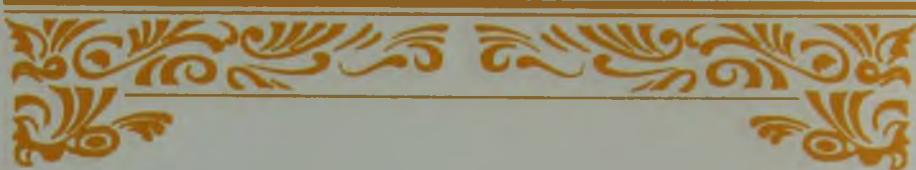
задумчивый,

про неясну долюшку —

Я вчера учился у волхва...

1970.

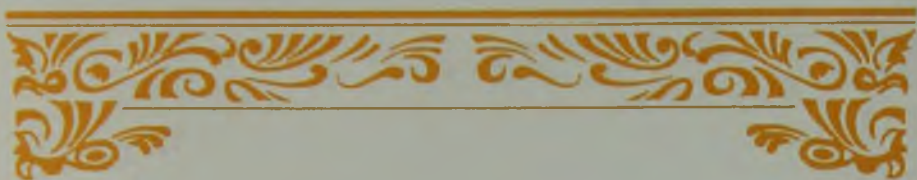




ШАЛОСТЬ

По улице пройду я
Сегодня босиком,
В полете кувыркаясь,
Как будто невесом.
Висят над головою
То небо, то земля —
Наскучила серьезность,
Я брошу все, шая...
Под пятками упруго
Скользнули облака,
Трава задела чубчик,
Как будто свысока,
Парить вдоль горизонта
Приятнее всего...
Я упаду на берег
Ларьяка моего.

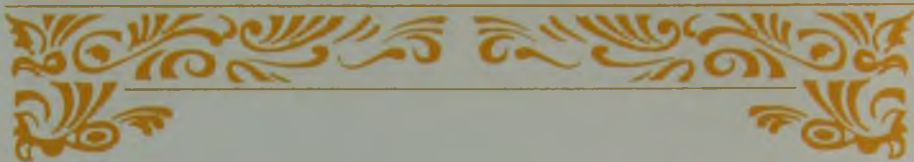
1975.



* * *

Ходит ветер продрогший по белому свету,
Потерял он тропинку к веселому лету.
Ищет всюду тепло, но в плену снегопада
Ветру тоже зимой обогреться бы надо...
И под соснами ночью глядит в темноту,
Не напрасно он верит в волшебство-доброту,
Сяду я на коня, всполошится округа:
Ветер в дом приведу, как хорошего друга.

1976.



* * *

Сегодня пишется любовь.
И многоточье почек,
Как было встарь, как будет вновь,
Взорваться счастьем хочет.
И подростковая пора,
Отмаявшись, притихла,
Прошла с записками игра –
Не поминайте лихом.
Все, что осталось позади –
И не было, и было...
Ведь кто-то ивы посадил.
И кто-то дал им силы.

1969.



ВЕСНА

Как растает пух лебяжий
На постелях луговых,
Ночь сосну с сосною свяжет
В отражениях речных,
Как вздохнет теленком пажить,
Замяукают коты,
Как начну я у овражин
Собирать тебе цветы,
Как повалятся удачи
В нашу общую весну...
А в избушке окна плачут,
Крошат солнце и луну.

1971.



По горизонту —
 золотая лава,
А по дороге —
 рыжая вода.
Затеяли любовную
 забаву,
Играя, воробьи
 на проводах.
Перекликаясь,
 озоруют молодо,
Поддразнивают
 с высоты
Как будто тыщу лет
 мечтали в холоде
О наступленьи
 этой теплоты.

1974.





УТРО НА БЕРЕГУ

Песчаный плес на первые лучи
Спросонок отвечает желтым блеском.
Не слышно птиц. Эфир еще молчит,
А волны шепчутся бессонным плеском.

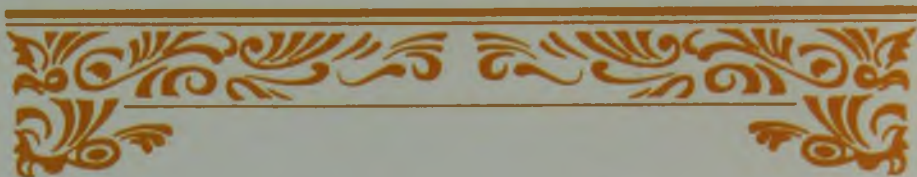
Глаза влажны. Прибрежные ветра
Ожесточили сумрак ожидания.
И в котелке уха из осетра
Не закипит по женскому заданью.

Стон ожидания приобского прибоя
С полуночи прохладной не утих:
Она не приплывет.

Костер потух.

Не стоит
Готовить древний завтрак
на двоих.

1970.



ИМЯ ЛЮБИМОЙ

Я не любил другого имени,
Еще не встретившись с тобой.
Оно летело из-за темени
Огромной тучи над судьбой,
Уже весенней, но безлиственной,
Я долго вымолвить не мог
Среди имен одно единственной
На перекрестии дорог.
Друзья подружек хороводили —
Мне не хотелось баловать.
Так ясно было несвободному:
Назвать — по сути — призывать.
Июнь румянится неистово,
Горланит в зелени легко,
И я кричу с ларьякской пристани:
«Лариса-чайка!... высоко...»

8 июня 1971 г.



ИЗ ГУРЗУФСКОЙ ТЕТРАДИ

I

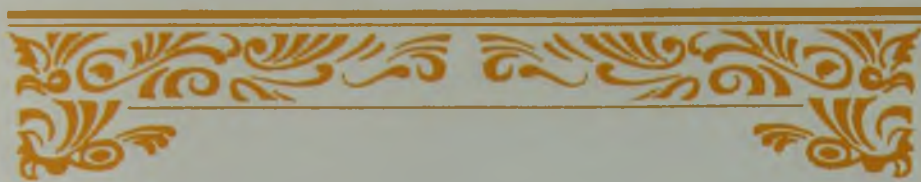
В Тавриде глубокая ночь.
Коралловый месяц взирает
Как мальчик слова подбирает,
Чтоб бедному сердцу помочь.
Над площадью стонет струна.
И слово за словом нескладно
Находит певец безотрадный,
Чтоб слушала их тишина.
В Тавриде глубокая ночь.
Акации дремлют у моря.
Что им до негорького горя?
Певец удаляется прочь.
Над крышами вечно горят
Премудрые фразы созвездий
Ах, сколько певцов неизвестных
Стихами не договорят!
В Тавриде поет тишина.
Прислушались к ней Адалары.

Лишь древняя песня задаром
Звучит без любви и вина.
...В Тавриде глубокая ночь
Звучит, чтобы сердцу помочь.

II

Направив в прошлое обиды,
В небытие убогих лет,
Опять у берегов Тавриды
Я вижу благостный рассвет.
В садах столетних привиденья
Меня встречают, не страшна.
И снова рвется к вдохновенью
Отягощенная душа.
Вослед мелодии рыбацкой
Спешу неопытным пловцом:
Свой голос пробую ларьякский
За крымским искренним певцом.

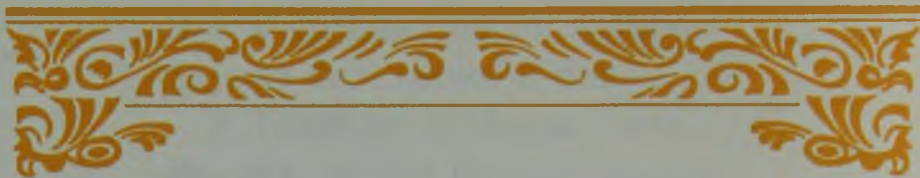
1986.



* * *

Твой поцелуй не воротить,
Он, как мечта моя, в полете.
Сольются две зари в заботе
О том, что вновь не повторить.
Склонюсь, гитару обниму,
Печальный перебор раскрою,
И звонкою ее струною
Я боль отчаянья сниму.

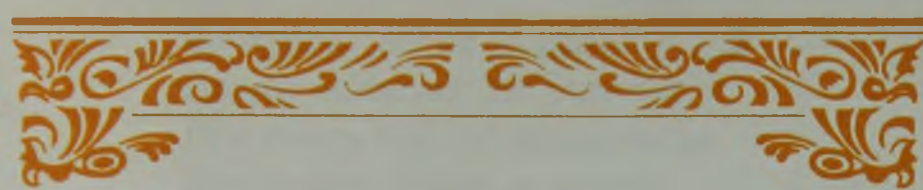
1968.



*' * *

Пусть станут муками моими
Твоя слеза, твой стон в ночи,
Пусть сны ко мне придут больные,
Жестокие, как палачи.
Мой рот кривится в боли страшной,
Когда позором бьют тебя...
Лишь позови меня однажды,
Приду, по-прежнему любя.

1977.

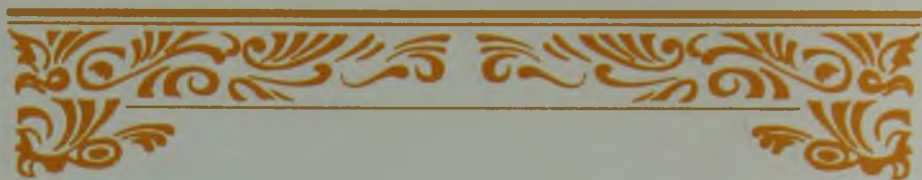


ЭЛЕГИЯ ЧУЖОЙ ВЕСНЫ

Испарины на окнах замерзают,
Немыми звездами становится капель,
Но я причуды заморозков знаю,
Которыми балуется апрель.
Прижму к виску застывшие слезинки –
Не ждать преображенья белизны,
Когда приходят тихие зазимки
Спокойным отраженьем седины.

1996.





НА ТЕПЛОХОДЕ

Все ехать бы, не подъезжая,
Все плыть вдоль вахских
берегов...

Не дожидаясь урожая,
Рассеиваться средь лугов.
Иль на обрыве вдоль
подлесков

Зерном родной тайги упасть,
Чтоб испытать душою
близкой

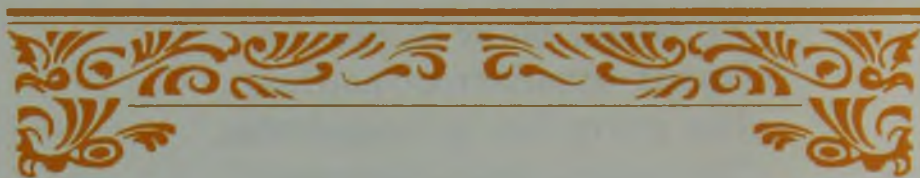
Природы праведную власть.
Движеньем обнимает время
Дымы рыбацких деревень,
Луна, как вызревшее семя,
Упала с облака за тень
Уверенного теплохода,
Который крошит тишину
Спокойной матери-природы,
Сынов готовящей ко сну.



Упрямая, но не чужая,
Волна вскипает от винтов...
Все ехать бы, не подъезжая,
Все плыть вдоль вахских
берегов.

1995.





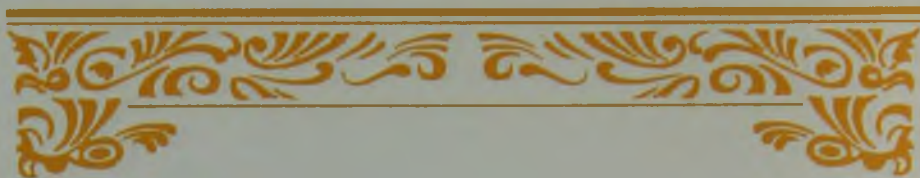
НА ПЛОТУ

У реки буграми вздулись мускулы –
Тяжело протаскивать плоты,
Хорошо бы не терять, не мусорить,
Не позорить зрелой красоты.
Крепко-накрепко лесины связаны,
Тень ползет широкая по дну...
Все на берегу деревья разные –
Здесь одно название бревну.
Так они, корявые, обтесаны,
Так омыты благородством вод,
Что склонился над немymi плесами
Всей тайги прощальный хоровод.

1977.







ЛЮБОПЫТНЫМ

Опять у скважины замочной
Дежурит пошлая наемница.
А мы вдвоем сегодня ночью:
В моих любовницах – бессонница.
Объяття трудно разжимаю,
Сажусь напротив при свечах.
Все пересуды забываю,
Судьбой пытаюсь отвечать.
А утром рукописи в клочья
Рвать помогает мне бессонница...
С кем я развратничаю ночью,
Кто хочет завтра познакомиться?

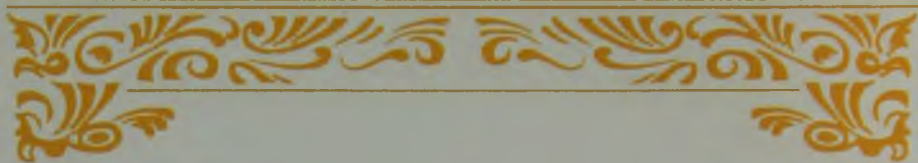
1996.



* * *

И какое тебе дело
До моих черновиков?
Слушать мненья надоело
Социальных знатоков.
Ночь разглядывать по звездам
Без посредников учись.
Этот мир людьми не создан —
Мы лишь вписываем жизнь
Отраженного величья
В Божий подлинник красот.
Пусть его, как голос птичий
Ветер вольности несет.
Нам прощаются изъяны
Отражающей волны,
Слова с острова Буяна
В океане тишины.

1996.



ПО ВЕСЕЛОЙ ДОРОГЕ...

...Хорошо ты обманы плетешь.
Хорошо.

Но могла б виртуозней.
Это я мимо судей занудных прошел.
Озорной. Несерьезный.
Не умею нудить потому,

что нельзя

Со слезами под звезды.
Пусть в ухабинах будет

родная стезя.

Осуждай!

Мне сворачивать поздно!

1996.

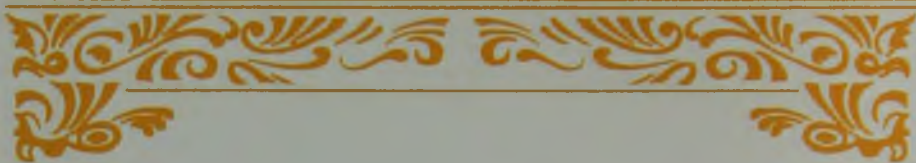


КОМЕДИАНТ

Надев рубаху наизнанку,
Из дома выйду спозаранку.
Подставлю ветру две щеки,
Чтоб ахали клеветники.
Пусть солнце жарит большаки,
Пусть изорвутся башмаки.
В пыли, в грязи пройду полмира
И стану шутовским кумиром.
Артисту на дороге вольной
От равнодушия лишь больно.
И, чтоб о доме не скучать,
На эхо буду я кричать
И корчить рожи над водой,
Не замечая, что седой.
Чтоб пересиливать вражду,
Я сочиню белиберду.
У всех насмешниц на виду
К чужим воротам подойду,
Начну притворно выть и охать:
Впустите на ночь скомороха.

1995.





* * *

*«...О слезы людские,
Льстесь вы
ранней и поздней порой»
Ф. И. Тютчев.*

Видишь, сосны качаются тощие,
Низкий ельник вдали приуныл...
И сговорчивей буду, и проще я,
Если только достанет мне сил
На безумную нашу работу,
На угрюмое это житье:
То о будущем гложет забота,
То прошедшее злит бытие.
Тихо плачут березы надрезами,
Как стихами – поэты мои.
Лживый критик назвал их нетрезвыми,
Будто сам их слезами поил.
Хороша и дорога убогая
К понимаю русской души.

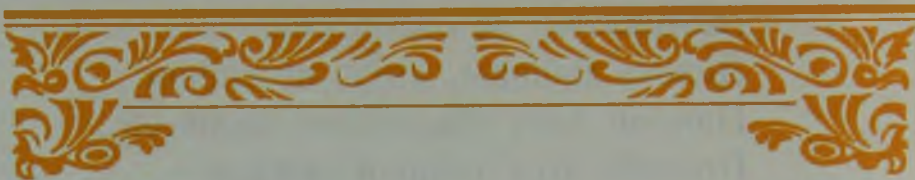


Антология* не онтология** —
Делать выводы, друг, не спеши.
Накопи этих сборников таинства,
Полюби этот тайный пейзаж —
Не узнаешь слияния, равенства,
Но его, как себя не предашь!

1981.

* Антология — (греч.) букет цветов, сборник лучших лирических сочинений разных авторов.

** Онтология — (греч.) учение о сущем, о закономерностях бытия.



* * *

Простите все, простите накануне
Последнего, недолгого пути,
Вчера я не заметил новолунья
И сединой за праздник заплатил.
Мне было суждено тогда родиться,
Когда одним значеньем слова МИР
Могло все человечество гордиться,
Переполняя души и эфир.
Но я к возврату вас не призываю,
А просто каюсь, что не сберегли
На полотенце русском каравая,
Пересолили жизнь родной земли.
Мои герои вышли за пространство,
И не с кем спорить, шпагу преломить.
На поле скорби и непостоянства
Чужое счастье начинает жить.

1995.



НА ТЕЛЕГЕ

Неровной улицей возница недоволен:
Поклажа падает,

и плачет кнут,

Пытается запеть о тяжелой доле,
Как промотавший счастье старый плут.

Торопится на лошадях казенных
Привычно матом сдобривать мораль
По непутевой линии районной,
Ведущей в околоточную даль.

Не блажь людская улицу скривила –
Изгиб реки наметил поворот,

Неровности обочин некрасивых
Не замечает занятый народ.

Похмельно пляшет редкий чуб возницы,

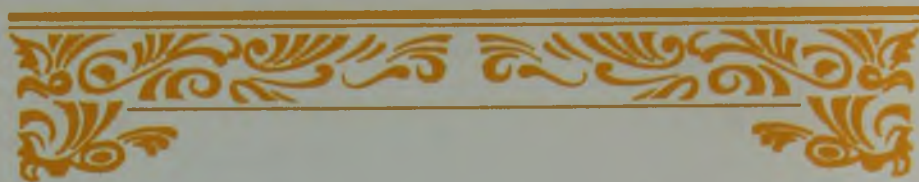
И матерщина расширяет грудь...

По улице плывут в затылок лица

И частые таблички «Светлый путь».

1995.





НАДПИСЬ НА КАМНЕ, ПОСТАВЛЕННОМ НА ПЕРЕПУТЬЕ

И родник не сроднит,
И тропа не направит,
И сосна не спасет,
И дожди не пройдут,
Если не выбирал,
С кем душой породниться,
Если всех растерял,
Никого не спасал.

1982.



* * *

Иду по улице знакомой
Как двадцать лет тому назад.
Мы жили в деревянном доме,
Мы посадили этот сад.
Зеленый занавес листвы
От глаз скрывает окна, дверь...
Года находок и потерь,
Домой меня вернули вы!
Смеется сад, смеется улица
Как в те мальчишеские дни.
От солнца ребятишки жмурятся –
Все сыновья моей родни?
Их ждет еще порыв от дома
То за мечтой, то наугад...
Иду по улице знакомой
Как двадцать лет тому назад.

1978.





НОВОСТИ

*«А у меня – стихотворенье,
Оно написано как раз.»
Б. Ахмадулина.*

Презрев отеческое право,
Грехи замаливать свои,
У нищих отобрали славу,
Замешанную на крови.
Бесстыдные отметив лица
Загаром купленных широт.
Лишь помните, как матерится
Российский проданный народ.
Купив диплом, машину, дачу,
Швырнув голодному кусок,
Вы измеряете удачу,
Как осужденные на срок.

1995.



НОКТЮРН

За тучами скрывается луна,
Иду, бреду по городу ночному.
Душа моя тревогою полна,
А свет во тьме летит от дома к дому:
То горя свет бьет в черные одежды,
Или — лампада счастья в тишине?..
По улице с неясною надеждой
Иду навстречу искренней весне.
Какие люди зажигают окна?!
Их свет надежней пятен фонарей.
Ветвей нераспустившихся волокна
Деревья тянут к зелени дверей.
Я под дождем с заветными огнями
В прохладной мокрой северной ночи
Беседую как с лучшими друзьями,
И наш ноктюрн по-старому звучит.
Не знаю, что случится завтра с нами,
И сердце предболезненно стучит,
Когда весна разносит ночниками
Свои по Нижневартовску лучи.

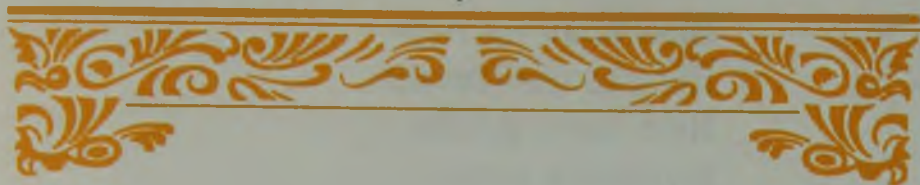
1992.



* * *

Светлее дня на сцене той,
Куда цветы несут повесы.
А я в компании крутой
Тебе совсем не интересен.
Но я от слова и от стога
Твоей души не отделим –
Да, славы на тебе корона,
А я лишь бедный пилигрим.
Царица сцены, не буди
Мечты напрасные – измучат.
Не верю я, что впереди
Мне будет и светлей, и лучше.

1985.



СЧАСТЛИВАЯ

Когда на небе
Вызревают звезды,
Когда в Оби
Купается луна,
Автобусом
Уже последним, поздним
В общагу
Возвращается она.
Вахтерша по привычке
Буркнет: «Здрасьте», –
Девчонки спросят:
«Обещал жениться?» –
И полуночным
Выдуманным счастьем
Она начнет
Неискренне хвалиться.
Ровесницы
Детей балуют в гнездах,
С любовником
Спит верная жена.

Всю ночь на небе
Вызревают звезды,
Всю ночь в Оби
Купается луна.

1995.



* * *

Я так свободен от себя,
Что в каждой роли непохожий.
Влюбляясь,
 радуясь,
 скорбя,
Судьбу испытываю кожей.
Стою на новеньких подмостках,
Вокруг – рекламы новых дней,
И крылья белые у тетки
В пространстве неба мне видней.
Как прежде юная душа
Менять не хочет крыл отважных –
Пусть роли многие грешат,
Она подскажет выход важный.

1995.





ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

Нынче ветру гнать золото с медью,
Серебро перемешивать надо.
Наши кедровые глядят, как медведи,
На бесценный порыв листопада.
По Сабунским обрывам летают
Звуки волн православного лада,
Над Ларьяком лампада мерцает
Благовестницей Божьего взгляда.

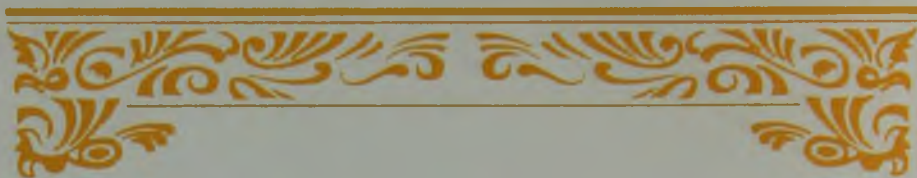
1979.



ПРЕДЗИМЬЕ

Выходит плакальщица-осень
На тлеющие рубежи
И жалости ничьей не просит,
О будущем не ворожит.
Такая, братец, наступает
За нашей зрелостью пора:
Еще лохмотьями блистаешь,
Но знаешь – кончена игра.
Все кажется: волнует ветер
Под солнце крашенную прядь.
А это древнего бесцветья
Бушует мерзнувший каскад.
Зачем ты, братец, трешь украдкой
На жизнь открытые глаза?
Пусть под дождем обманом сладким
Мелькнет горячая слеза.

1995.



* * *

Ручей-шептун,
 ручей-болтун
Во мраке буерака,
Природы баловень,
 игрун
Резвится близ Ларьяка.
Его сторонится кедрач –
Он возрастом моложе –
Струя веселия на плач
О прожитом похожа.
И стонут кроны в вышине,
Сопротивляясь ветру.
Не все понятно нынче мне
И маленькому кедру.
Мы с ним осмелились молчать
И слушать смех потока,
Луны печальная свеча
Нам кажется далекой.

1979.



ТАЙГА ОТЦОВ

Смывает дождь с деревьев
дым горелок,
И факелы шипят на буровых.
Иду по уцелевшей зоне белок,
По резервации нечаянно живых.
За каждой веткой вижу
предков лики
В заветном выражении добра,
Несу от них подарок –
горсть брусники
На донышке звенящего ведра.
Всего полпесни
до шальной бетонки,
А дальше ...визг и скрежет перебьют.
С таежным эхом
перекличек звонких
Пернатые подруженьки не ждут.

Запой смелей,
а я начну аукать,
И в древней позабавимся игре!..
Сюда придут раскаиваться внуки.
Еще не все потеряно в Югре...

1987.



РЫБАК

Играют облака
Озерной котловины,
Хватают рыбака
За мокрые штанины.

Хохочет мужичок
От озорства и счастья,
Сбирая на плечо
Капроновые снасти,

В свой обласок, на свет,
Бросая, как на блюдо,
Второй десяток лет
Чешуйчатую грудю.

1976.



COCHA

Жара томила,
 гнула выюга,
А ты роняла
 семена.
Одна, без спутника,
 без друга
Давала детям имена.
К любви тянулась
 всеї душою,
Да только встретила
 обман.
Молва недобрая тайгою
Песлась,
 как бешеный буран.
А ты склонялась над порогом
Избы, построенной в глуши,
Где началась моя дорога,
Где зрели сосны-малыш.

1977.



ЛИВЕНЬ

Ты ко мне прижалась,
как сестренка.

Даже мысли не было такой:
Для чего короткая юбчонка
Заплясала под моей рукой.
Поднимал ладонь и по морщинам
Ласковой сосны скользил.

Молчал.

Волосы твои не без причины
Разбросал ветрище по плечам.
Никогда я больше за брусникой
В дальний лес с тобою не пойду
Потому, что пылкий ливень дикий
Предвещал какую-то беду.

1979.



НА ЗАВАЛЕНКЕ

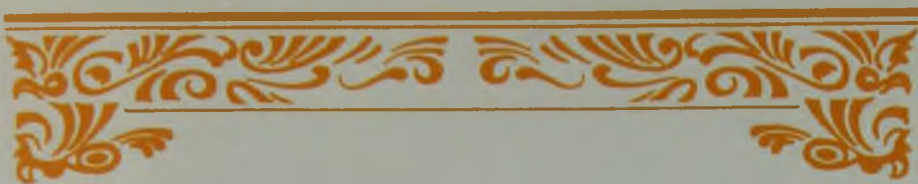
В телогрейке и в валенках сяду
Летним днем под угрюмый навес,
Буду долго смотреть за оградой,
Где юнцы выбирают невест.

Ну, которая краше которой,
И какому какая нужней? –
Разберутся, пожалуй, не скоро,
Коли нет еще дел поважней.

Только мне нынче кажется эта
Перепалка страстей у плетня
Поважнее призывов поэта
На кровавом куске полотна.

Кабы юность раскрыла мне дверцы,
Кабы только одну целовал,
Я бы жил с нерасколотым сердцем
И советы легко раздавал.

1996.



* * *

Тороплюсь по весенней погоде,
Вдоль дороги цветет лебеда,
Бирюзовой рубахи разводы –
На груди дождевая вода.
Мокрый ветер несется навстречу –
Прозевавший на важный визит,
На сибирском распевном наречье
Молодецки под ухом басит.
А подлесок умытый ликует,
Забывая зимовья печаль,
Новой вольностью почек шикует...
Так и мне старых песен не жаль.

1966, 1996.





* * *

С каждым годом отчетливей вижу картины
Невозвратного лета свиданий и грез:
Месяц ищет над речкой свою половину,
Ветер юбки задрал у стыдливых берез.

Разодетые бабы поют возле клуба,
У продмага разборка идет мужиков,
Лихо пляшет одна на мостках моя Люба
В такт качанию звезд у родных берегов.

Поздний отцвет черемух летит снегопадом
На упругие косы стареющих вдов,
У безногих отцов звонко стонут награды
Переплавленной памятью колоколов.

1995.



...Дождь при морозе обратился
в снег,
И удивляться этому не надо –
В обмане забытья
укрылся бег,
Воспоминаний поздняя досада...
Бессмертье юности
отпраздновать нельзя
И горевать о прожитом смешно.
Замерзнет, высохнет последняя слеза
О том, что было-не было давно.

1996.

Хочу домой
за песнями и хлебом...
Об остальном,
пожалуй, промолчу.

1978.



* * *

Мое село за чистыми снегами,
За речками, озерами, прудами...
Оно все ближе, ближе. И с годами
Не разучусь по-детски тосковать.
Единожды чужбиной увлечен,
Разлукой за неверность осужден
Родимым именем полмира называть:
Ларьякский неразгаданный мой сон,
Моей полжизни боль и благодать,
Где до сих пор зовет ребенком мать...
Зимой я буду вечно вспоминать
Оленей голубых на снежном насте
И поверять все будущее счастье
С привольной песней вахской тишины,
Где мне напутствия хорошие даны,
Куда вернусь из дальней стороны.

1970.



* * *

Ну что ж, пускай опять обманет
Тропинка посреди невзгод.
И промелькнет, как на экране,
Дурных сюжетов длинный год.
Плутания необходимы,
Когда никто не знает путь,
И снова негде нелюбимым
Пред Рождеством передохнуть.
Сквозняк бурчит по перекресткам
Опять недобрые слова,
А я заплаканным подростком
Ищу родства, как волшебства.

1996.



ВОСПОМИНАНИЯ

Чем длиннее дорога от детства,
Тем сильнее тоска по нему,
Я брусничное наше соседство
Светлой памятью вновь обниму.

Там сливались весенние воды...
Погружалась дорога на дно,
Где искал я надежные броды...
Как давно это было, давно,

Когда мир мне казался игривым
И сквозь линзы нечаянных слез.
Не сгорали на вахских обрывах
Поминальные свечи берез.

1996.





НА РОДИНЕ ЕРШОВА

Розовощекий в зеленом кафтане
Скачет июнь на Коньке-Горбунке,
Встречу разлук и прощанье свиданий
Праздную я на Ишиме-реке.
Кто бы подумал, и кто бы поверил –
Четвертью века за праздник плачу.
Только не надо звенеть о потере
Стольному лирику и лихачу.
Воспоминанья о Музе на Невском
Я раздарил берегам не чужим.
Петр Ершов, посмотри с интересом,
Как отражает нас речка Ишим.

1996.





* * *

Ночь на лице небосвода
Нарисовала веснушки.
Затосковали кукушки.
В роще у мелкого брода
Обруч луны покатили
Волны в далекий рассвет.
Словно на тысячу лет
Окна в селе погасили.
Настежь опять otvorил
Кто-то оконную раму,
В песне о радостном самом
Душу свою растворил.

1981.

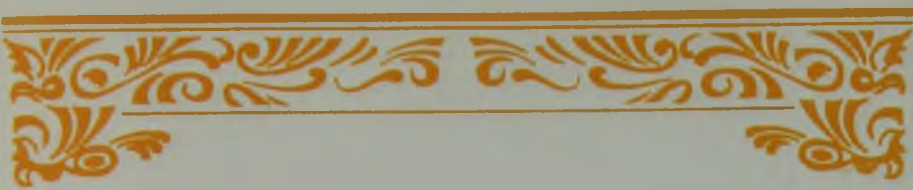


ИЮЛЬ ВЕСЕЛЫЙ

Летом весело гудит
Городская пасека,
Пчелки малые рисуют
На асфальте классики.

Чтобы прыгать и мечтать,
Крылышки расправили.
Пусть резвятся, их на час
Взрослые оставили.

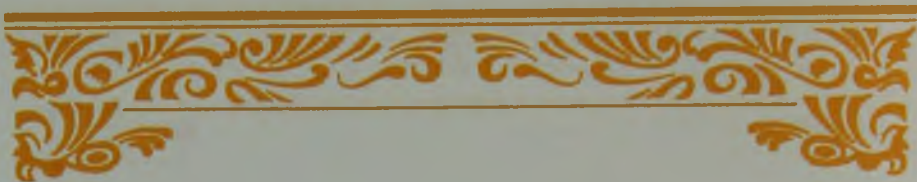
1995.



ПУТНИК

В одном кармане крошки хлеба,
В другом – обычная дыра,
Есть у него большое небо
В дымах безлюдного костра.
Когда он вышел на дорогу
Забот, несчастий и надежд?
Когда покинул он берлогу
Во зле отъевшихся невежд?
Дожди осенние глотает,
Не проклиная никого...
И не спасает, только тает
Мечта прекрасная его.

1976.

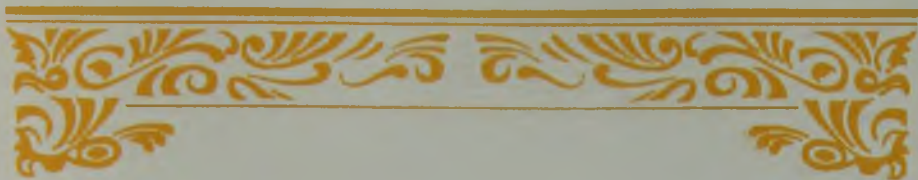


ОЖИДАНИЕ

Поволокою поднебесною
Скрыты дали,
И дорогою неизвестною
Думы пали.
Всеми счастьями и невзгодами
Над Россией
Ночь возносится новогодняя
Юной силой.
Доискаться пути обещано
Небесами –
За полночью птица вещая
Пред глазами.

1997.





ЧИТАЯ ЛЕТОПИСИ

Прохожу по неизвестности
Девяти веков своих
За российские окрестности
До угодий родовых,

За славянскими языцами
Повторяю древний слог,
За монашескими лицами
Вижу северо-восток:

Стрелы вольного охотника
Убираются в колчан,
Песнь югорского вольготника
Слышу я по кедрачам.

Переписчик Новгородчины –
Проводник мой дорогой –
Шлю привет с хантыйской вотчины
Православною рукой.

1996.





* * *

Промасленные волны
И берег торфяной,
Старуха-колокольня
Любуется луной,
Качаются на ветках
Последние листы...
Я здесь бываю редко,
На невские мосты
Летаю любоваться...
Сибирь да Ленинград!
Но нет, не оторваться!
И к ельникам назад.
К рубиновым брусникам,
Где хвойные ветра
Зовут протяжным криком:
– Вер-нись до-мой.
По-ра!

1977.





* * *

Меняем
 вихрастое золото
На отсвет белесой луны.
Вчера –
 так беспомощно молоды,
Вчера –
 безрассудно юны.
Сегодня опорой надменной
Стоим возле новой родни
И зрелостью платим
 разменной
За слишком разумные дни.

1997.



* * *

Давно валяюсь на родной траве
И облаком, как простыней играю:
То – скомкаю, то в клочья разрываю,
То приложу к горячей голове,
То по-мальчишески укроюсь весь,
Изображая то, что не увижу,
Лицо открою — видите: я выжил...
А, может быть, для родины воскрес.

1968.



ПОЛЬЗА

И сказала всесильная Доба:
– Я важнее тебя, Красота,
Вот опять возвратили из гроба,
И, как внучка, зовусь Доброта.
Распознать нас не хочется людям –
Слишком сладок обман мишуры,
Хочешь, рядом, как сестры, побудем,
В нищете ты достойна игры.

И вздохнула печальная Муза:
– Я давно этой встречи ждала...
Шевельнула перстом заскорузлым
И последнюю песнь продала.

1992.



* * *

Узнаю не с лубочной картинки,
Скрытой бабами зря под навес,
Атрибуты российской глубинки –
Избы, ведра, заборы да лес...
У меня есть осознанный слепок –
Красный шрам через рабский хребет,
Журналиста партийного лепет
Про жемчужины общих побед.
Я в казенную лезть хомутину
Отказался при всех наотрез...
Патефон, два десятка пластинок –
Вот и весь социальный прогресс.

1997.



НЕ ТОРОПЛЮСЬ

Валерию Акимову.

Там есть судьба хорошая, другая,
Здесь - просто жизнь, с обманами и без...
Я столько лет прощаться привыкаю.
Зачем вам знать мой тайный интерес?
За поездом я медленно шагаю.
И все равно когда-нибудь прибуду
На станцию последнюю ПРОЩАЙ.
Былое никогда корить не буду,
Пообещайте только навещать,
Опустошать граненую посуду.

1997.





ЛЮБИТЬ ЛЮДЕЙ И В РАДОСТИ, И В ГОРЕ...

«Для того, чтобы глубоко понять поэта, нужно побывать у него на родине,» – говорил великий немецкий романтик и знаток человеческих душ Генрих Гейне. Разумеется, трудно выполнить это условие по отношению ко многим, но что касается Владимира Мазина, то мы можем побывать у него в гостях заочно, читая местные краеведческие издания. Вот что известно о малой родине поэта – селе Ларьяке, что в Нижневартовском районе Ханты-Мансийского автономного округа.

«Место это красивое, таежное», – пишет в начале своей статьи «Дом окнами в тайгу», опубликованной в журнале «Югра», Эрнст Звезда.

Краткое упоминание о Ларьяке приводится в статье «Подлинные документы к истории нижневартовского края» Альбины Кузьминой. Это строки из «Описания местности, занимаемой Тобольской епархией» от 1892 г.: *«В селе Ларьякском (Лариатском) выстроена деревянная церковь в*

1824 году. Имела один престол во имя Святителя и Чудотворца Николая».

В этой же статье приводится более подробный материал, касающийся затронутой эпохи. Со смешанным чувством жалости и восторга описывает местность близ Ларьяка один из участников поездки по окраинам епархии: *«с. Ларьякское – крайний пункт на восток, или скорее несколько на юго-восток епархии. По обыкновению, сельцо убогое, церковь тоже. Но зато какая местность! Нужно вообразить с одной стороны протоку реки Ваха, да и не одну, впрочем, а затем как бы кольцо, образующееся из кедрового сплошного леса.*

...Когда ханты на оленях приезжали в Ларьяк, то упряжек было столько, что по улицам невозможно было пройти. Они привозили мешки с пушниной, бочонки с селедкой, мясо и прочий товар. Это был праздник, особенно для детишек. Надо было видеть ханты в малицах, кисах, в капюшонах. Они мало обращали внимания на мороз и метель. Добрый народ! Сдав груз и получив деньги, гуляли, добродушно разрешая подросткам постарше прокатиться по Ларьяку на оленях».

Вот в таком живописном, лирическом уголке Западной Сибири появился на свет и провел свои ранние детские годы Владимир Алексеевич Мазин. Милый, бесконечно родной пейзаж, дорогие

сердцу дома и лица. Они не покидали воображения Владимира в годы разлуки с привычными местами.

Началась учеба в Ленинградском институте культуры. Жгучие впечатления от прикосновения к историческому прошлому и настоящему великого российского народа не могли вытеснить ностальгию по родным местам, по безвозвратно ушедшему детству:

«Чем длиннее дорога от детства,
Тем сильнее тоска по нему...»

– утверждает поэт в стихотворении «Воспоминания». Восторгающая и слегка пугающая новизна городских картин, щемящее чувство тоски по покинутому, хотя и не навсегда, домашнему родительскому уюту – вот опыт души человеческой, на почве которого взрастали многие поэтические творения.

Разумеется, тема деревни, детства, первозданности кедровников и речных плесов, удивляющих своей простотой, пришедшей из глубины веков, красота произведений рук человеческих, будь то «старинной рубки дом», рыбацкий облас или наркасы, струны которого звучали, наверное, с таким же тембром еще во времена населяв-

ших когда-то Югорию мамонтов, — все это лишь одна сторона медали.

«Движеньем обнимает время
Дымы рыбацких деревень...»

Поэт не обошел стороной хитросплетений современности, пространственных и временных изломов нашей эпохи.

В наше время, заметил кто-то, невозможно жить людям с развитым воображением. Такие парадоксальные знамения времени, как по-настоящему приблизившийся вдруг конец света, который тысячелетиями держал в страхе божьем миллионы верующих, оказался осуществимой затеей, и реальность ее троекратно обеспечена накопленным на планете ядерным оружием.

С экранов видеоаппаратов на нас обрушивается масса произведений искусства, соперяжая которым надо либо обладать душой размером с Марианскую впадину, либо вообще не обладать таковой.

Поэтому надо всячески ценить и беречь поэтов, поскольку их труд именно с воображением накрепко связан. И результаты его — произведения искусства. К счастью, пока поэты не вымерли как археоптериксы и динозавры, давайте обращаться к их творчеству с вниманием.

В Нижневартовском районе, в окружении священных кедровников, на берегах реки с «удивленным» названием Вах в с.Ларьяк родился Владимир Мазин – сын Алексея Григорьевича Кунина и Екатерины Никифоровны Мазиной. Этот пылкий юноша с искренними порывами, цельной и во многом еще наивной душой жил и рос среди выносливых и крепких людей. Владимир с детских лет обладал способностью слышать и видеть больше, чем сверстники. Он рано почувствовал умение выразить себя в музыке, песне, танце. Предрасположенность к творчеству и сыграла роль в развитии этой одаренной личности. Надо заметить, что многие стихотворения Мазина вызывают у читателя не только эстетически окрашенные чувства, но и раздумья. Какое отношение имеет поэзия к философии? На этот счет существует множество разных мнений, но мне кажется, ближе всего к истине мысль о том, что поэзия и есть философия. Только в особом ее виде. То есть мудрость человеческая и народная принадлежат самой сути поэтического творчества. Все остальные блестящие преимущества и превосходные качества поэзии являются привходящими, и, по большому счету, случайными, необязательными.

Вслушайтесь и прочувствуйте строки:

«И мелодия о счастье,
Тайном смысле бытия
Держит нас в прекрасной власти —
То судьбинушка моя.»

Поэт, связав «тайный смысл бытия» со своей судьбой-«судьбинушкой», вновь безмерно обогащает нашу схему, придает ей убедительность и подтверждает достоверность. А какова ПРЕКРАСНАЯ ВЛАСТЬ МЕЛОДИИ!!!

Наверное, не стоит говорить о том, что только серьезные достоинства могут сделать произведения поэтического искусства способными жить не годы, а века. Не случайно известная в России писательница, землячка Владимира, Маргарита Анисимкова причислила Мазина к значительным поэтам Земли Югорской.

Не удержусь от соблазна рассмотреть одно из стихотворений целиком. Вот произведение 1972 года:

«Заря в обской воде устало брезжит...,
Последний луч искрится на волнах,
Туман крадется вдоль по побережью,
И я лечу, как птица в облаках.
Вечерний ветер напрягает руки
И превращает в крылья рукава.
Я улетаю от обидной скуки,
Я нахожу сердечные слова

Об этом крае в кедровом просторе,
Где научился я ценить мечту,
Любить людей и в радости, и в горе,
Беречь тайги старинной красоту.»

Эти строфы написаны классическим шестистопным ямбом. Пожалуй, только в первой строфе двадцатый век выдает себя приблизительной рифмой «брезжит – побережью». В остальном форма стихотворения выдержана в более ранних и строгих традициях.

Основная идея произведения – силы природы влияют на душу поэта. Чувство полета, возникающее во время сильного ветра, рождает в нем вдохновение. Начинается стихотворение с реалистического изображения вечернего пейзажа:

И примечательно, что идея полета реализована уже в первой строфе:

«И я лечу, как птица в облаках.»

Однако сравнение слабоватое, и Владимир, чувствуя это, находит нужным развить его и разъясняет:

«Вечерний ветер напрягает руки
И превращает в крылья рукава.»

И именно тут порыв ветра врывается в пространство стихотворения, оно вдруг наполняется энергией.

Много и хорошо пишет Мазин о природе, о лесах, озерах, речных берегах.

«...Песчаный плес на первые лучи
Спросонок отвечает желтым блеском...»

Углубленные занятия филологией обычно отрицательно сказываются на творчестве многих авторов, не близких стихии народной речи. Сказывается это и на выборе тем, и на результате творческой работы, когда стихи становятся интересными лишь небольшой когорте пишущих. Но некий мимолетный взгляд на творческую лабораторию, приоткрытая дверь в поэтическую кухню, порой, придают произведениям особый аромат свежести и полноценности.

Посмотрите, как замечательно описывает Владимир творческий процесс в одном из своих стихотворений:

«В этот час с приближением ночи
Дремлет старых часов циферблат,
И с моим дорогим одиночеством
У меня идеальнейший лад.

...О, медлительность слов на бумаге,
О, запутанность мыслимых грез...

Написать, как предаться отваге,
Зелье пить из улыбок и слез!..»

В две строфы удалось вместить всю сложность проблемы. Действительно, правдивые стихи требуют, порой, и мужества, и ответственности за написанное слово.

Многое, очень многое можно сказать о стихах Владимира Мазина. Как произведения настоящего таланта, они могут вызвать гораздо большее количество высказываний, чем составляют сами. Сочно и выразительно пишет он об отношении современного человека к природе. Вот строки из стихотворения «На плоту»:

«У реки буграми вздулись мускулы –
Тяжело протаскивать плоты...

...Так они, корявые, обтесаны,
Так омыты благородством вод,
Что склонился над немymi плесами
Всей тайги прощальный хоровод.»

Программным можно назвать его произведение «Тайга отцов»:

«Смывает дождь с деревьев
дым горелок,

И факелы шипят на буровых.
Иду по уцелевшей зоне белок,
По резервации нечаянно живых.
За каждой веткой вижу
предков лики...

...Сюда придут раскаиваться внуки.
Еще не все потеряно в Югре...»

Хлесткие слова находит он для того, чтобы показать нам некоторые стороны современной действительности, приговорить их к заслуженному позору («Новости»).

Такой же энергией обладает стихотворение «Любопытным». Очевидно стремление автора к максимальной выразительности слова.

Удались автору стихотворения, материалом для которых стал его собственный опыт работы на селе. Одно из них — «Культпросветчик».

Надо отметить, что большая часть стихов Мазина автобиографична. Ему удалось поднять их на высокий уровень обобщения и типизации. Он создал привлекательный образ лирического героя, чертам которого присуще не только обаяние. «Шалость», «Хороши ларьякские дорожки», «Пусть станут муками моими...», «Комедиант», «Ну что ж, пускай опять обманет...». Эти стихи не лишены трагизма времени.

Одинаково успешно справляется Мазин и с портретами современников — «В балке накурено и душно...», «Счастливая», — и с миниатюрами, в которых он размышляет на исторические темы — «Читая летописи», «Скрипач у Белой горы», — и с городскими пейзажами — «Ноктюрн», «По городу», — и с любовной лирикой — «Ливень», «Твой поцелуй не воротить...», «Имя любимой». Что ни стихотворение, то поэтический самородок.

Темы как четко разработанные, так и едва намеченные, подчинены задаче многостороннего изображения жизни и самовыражения автора.

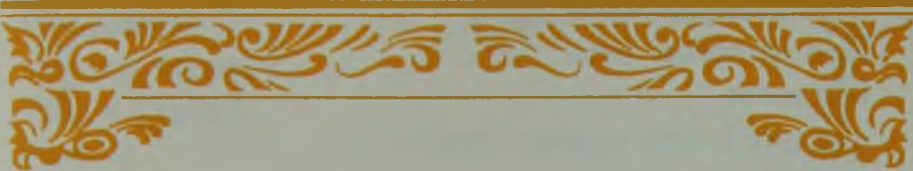
Перед нами возникает новый замечательный ряд картин Югорского края, в каждую из которых Владимир вложил частицу своего сердца. За кажущейся простотой поэтических средств, избираемых автором, чувствуется душа одаренного художника, способного создать произведение, пронизанное органическими связями, вызывающее живой отклик в читательской среде.

Эта удивительная книга, словно благородная скульптура, вырезанная из одного куска кремлевого дерева. А главное — она дает читателю пример цельного мировоззрения. По крайней мере, представляет собой удачную попытку тако-

го рода. И это немало в наше, лишенное многих ориентиров, время.

Будем надеяться, что сборник стихов «Пристань радостей и печалей» окажется далеко не последней книгой поэта Владимира Мазина. Пусть отправится с этой «пристани» больше радостей, чем печалей. Как для автора, так и для его читателей.

Сергей СМЕТАНИН,
член Союза писателей России.



СОДЕРЖАНИЕ

Ларьякский дом	3
«Ценю тебя, сибирская река»	4
«Каждый раз с наступлением ночи...»	5
«В балке накурено и душно...»	6
«Для меня забота леса...»	7
Родословная	8
Мелодия	9
Подлунное раздолье	10
«Плачут, плачут вечера...»	12
«Под ветром у косматых елей...»	13
Хантыйская красавица	14
«Дом – уют колыбельный...»	15
«Манит снова рыбака синяя путина...»	16
Маме	17
Наследство	18
Скрипач у Белой горы	19
«Заря в обской воде устало брезжит...»	21
Культпросветчик	22
6 ноября 1995 года	24
«Вах бледнеет в дарах листопада...»	25
Концерт	26
«Хороши Ларьякские дорожки...»	28
Избушка	29

Утренние звонкие лучи	30
Под пологом леса	31
Шалость	32
«Ходит ветер продрогший по белому свету...»	33
«Сегодня пишется любовь...»	34
Весна	35
«По горизонту – золотая лава...»	36
Утро на берегу	37
Имя любимой	38
Из гурзуфской тетради	39
«Твой поцелуй не воротить...»	41
«Пусть станут муками моими...»	42
Элегия чужой весны	43
На теплоходе	44
На плоту	46
«Нельзя не помнить...»	47
Любопытным	48
«И какое тебе дело...»	49
По веселой дороге	50
Комедиант	51
«Видишь, сосны качаются тощие...»	52
«Простите все, простите накануне...»	54
На телеге	55
Надпись на камне	56
«Иду по улице знакомой...»	57
Новости	58
Ноктюрн	59
«Светлее дня на сцене...»	60
Счастливая	61
«Я так свободен от себя...»	63
Поздняя осень	64

Предзимье	65
«Ручей-шептун...»	66
Тайга отцов	67
Рыбак	69
Сосна	70
Ливень	71
На завалинке	72
«Тороплюсь по весенней погоде...»	73
«С каждым годом отчетливей...»	74
«В том одиночестве последнего дождя...»	75
«Пора домой за песнями и хлебом...»	77
«Мое село за чистыми снегами...»	79
«Ну что ж, пускай опять обманет...»	80
Воспоминания	81
На родине Ершова	82
«Ночь на лице небосвода...»	83
Июль веселый	84
Путник	85
Ожидание	86
Читая летописи	87
Промасленные волны	88
«За дальней чертою, у самой зари...»	89
«Меняем вихрастое золото...»	90
«Давно валяюсь на родной траве...»	91
Польза	92
«Узнаю не с лубочной картинки...»	93
Не тороплюсь	94
 Сергей СМЕТАНИН.	
«Любить людей и в радости, и в горе»	95
 Содержание	107

ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ МАЗИН
ПРИСТАНЬ РАДОСТЕЙ И ПЕЧАЛЕЙ
СБОРНИК СТИХОВ

*Редакция художественной литературы
Северо-Сибирского регионального
книжного издательства*

Редактор-составитель **С.Сметанин**
Художник **В.Довган**
Художественный редактор **В.Довган**
Технический редактор **Э.Шимчук**
Корректор **О.Егорова**
Набор **О.Клыпка**
Вёрстка **А.Цареградский**

Оригинал-макет изготовлен в компьютерном
центре ИИК «Северный дом».

Подписано в печать 3.06.1997.
Формат 70х90/32. Гарнитура SchoolDL. Печать
офсетная. Бумага мелованная.
Усл. печ. л. 4,5. Тираж 3000 экз. Заказ

Информационно-издательский концерн
«СЕВЕРНЫЙ ДОМ».
626400, Тюменская обл., г.Сургут, Маяковского, 12«а».

Рекламный информационно-издательский центр
«НЕФТЬ ПРИОБЬЯ» АО «СУРГУТНЕФТЕГАЗ».
626400, Тюменская обл., г.Сургут, ул.Магистральная, 19«а».



Ю Г Р А

НИЖНЕВАРТОВСКУ



25
ЛЕТ



72612004

Окружная библиотека



Заря в обской воде устало брезжит,
Последний луч искрится на волнах,
Туман крадется вдоль по побережью,
И я лечу, как птица в облаках.
Вечерний ветер напрягает руки
И превращает в крылья рукава.
Я улетаю от обидной скуки,
Я нахожу сердечные слова
Об этом крае в кедровом просторе,
Где научился я ценить мечту,
Любить людей и в радости, и в горе,
Беречь тайги старинной красоту.

Владимир МАЗИН